

Роспись школьных стенгазет акварельными красками выглядела настолько яркой и живой по сравнению с привычным мелом, что учителя, заходя в класс, не могли сдержать восхищённых возгласов, особенно когда их взгляд падал на изображение моря, где волны будто двигались под действием настоящего ветра, а отблески солнца на воде переливались так, словно кто-то действительно пытался передать не просто картинку, а ощущение прибоя, шума волн, запаха соли. Лишь тогда одноклассники наконец поняли, что Ю Жань, который обычно ходил растрёпанный, с расстёгнутой формой и вечной ухмылкой на лице, на самом деле обладает настоящим художественным талантом, и хотя раньше они считали его просто «тем, кто любит писать глупости в чатах», теперь смотрели на него с новым уважением, почти с благоговением, как на того, кто может сделать обычное — волшебным.

— Ну и зачем нам эти долбаные контрольные, можно экзамены только по рисованию? — протянул Ю Жань, лежа на парте животом вниз, словно истощённый герой после битвы, и неторопливо стирая остатки краски с пальцев влажной салфеткой. Под щекой у него были зажаты несколько листов с химии — зачётные работы, на которых красовались цифры, не превышавшие сорока баллов. Из-за этого он уже получил официальное предписание: каждый день во время обеденного перерыва являться в учительскую на дополнительные занятия, пока не сдаст материал до уровня, достаточного для прохождения полугодовой аттестации, и теперь его лицо выражало ту усталую покорность человека, который понял, что мир не станет проще, сколько бы он ни мечтал о халяве. Он задумался, перевернулся на бок и, оперевшись подбородком о край парты Чу Мянью, посмотрел на него с видом просителя, которому остался последний шанс:— Слушай, МяуМяу, скажи мне хоть пару вопросов, которые могут быть на экзамене. Я дома вызубрю. Хочется хоть немного надежды.

Чу Мянью, не отрываясь от своих конспектов, ответил спокойно, с лёгкой интонацией учителя, который объясняет одно и то же уже в десятый раз:— Вопросы на полугодовом экзамене составляются районной комиссией. Это не как ежемесячные проверочные, где можно списать старые домашки. Там будет всё новое, и если ты надеешься на удачу — она тебя не спасёт.

Он положил ручку, откинулся на спинку стула и, подняв глаза, внимательно посмотрел на Ю Жаня, словно пытаясь понять, насколько тот действительно готов к серьёзности момента. — Давай свои конспекты. Я сам выделю ключевые темы. Потом можешь сфоткать и выучить.

Ю Жань вздохнул, как человек, который внезапно осознал, что детские времена закончились. Он с тоской вспоминал дни до Национального праздника, когда домашних заданий было в разы меньше, тесты казались легче воздуха, а жизнь ещё не успела превратиться в бесконечную череду дедлайнов и преподавателей, требующих «максимальной отдачи».

Сейчас же, с приближением полугодовой аттестации, каждый предмет превратился в минное поле: учителя звали в кабинеты на дополнительные объяснения, давали тренировочные варианты, проводили внеплановые опросы прямо на уроке. Учебные материалы становились сложнее с каждым днём, и Ю Жань чувствовал, как его мозг постепенно превращается в перегруженный сервер, где даже попытка выпить воды между парами заканчивалась тем, что он забывал, куда шёл. После школы он метался между кабинетами, как мячик в пинболе, и к вечеру уже не мог отличить формулу оксида от имени собственного. К концу дня он понял, что значит «ментальное истощение» — это когда ты сидишь, смотришь в учебник, но буквы плывут, мысли рассыпаются, а внутри только пустота и тяжесть.

Но был один луч света.

Каждую среду вечером проходили внеурочные клубные занятия — единственное время, когда можно было не думать об экзаменах, не прятаться от преподавателей и просто быть. Именно этого Ю Жань ждал больше всего.

Сейчас он числился полноценным членом баскетбольной команды, но поскольку тренировки девочек ему посещать было нельзя, он получил право свободно выбирать другие кружки. Сегодня он пошёл с Чжоу Вэйси играть в бадминтон, потому что там было весело, шумно, и никто не спрашивал, сколько баллов ты набрал на последнем тесте.

— Эй, Ю Жань, ты вообще врубаешься? — окликнул его Чжоу Вэйси, стоя на противоположной стороне корта с ракеткой наготове. — Твой ход подавать!

— А? — Ю Жань машинально отреагировал, хотя его внимание было направлено совсем в другую сторону. Его взгляд прилип к задней стене школы, где, в полумраке сумерек, происходило нечто странное.

Там, поверх высокого забора, медленно перелезал человек. Было слишком темно, чтобы разглядеть лицо, но Ю Жань сразу понял, что это не ученик их школы. Иначе зачем лезть через стену, если можно просто войти через служебный вход?

Он отложил эту мысль в уголок сознания, сделал усилие, чтобы вернуться в игру, замахнулся ракеткой, ударил по волану и стал обмениваться ударами с Чжоу Вэйси, стараясь сосредоточиться. Но волан всё равно вылетел за пределы площадки.

Пока Чжоу Вэйси пошёл за ним, Ю Жань снова бросил взгляд назад и увидел, как у основания стены кто-то помогает перелезшему спуститься. Силуэт был очень знакомым. Он точно видел эту спину сегодня утром.

Цай Ханьчжан.

У Ю Жаня невольно нахмурились брови. Да, тот давно его не трогал, но он знал, что Цай Ханьчжан недавно сошёлся с Хуан Фэном — парнем из другой школы, чья репутация была такой, что даже учителя старались с ним не связываться. И если они вместе, а значит, ничего хорошего ждать не приходится.

— Ю Жань! — голос Чжоу Вэйси вернул его в реальность. — Если сейчас примешь удар, то я назову тебя папой!

Ю Жань, всё ещё отвлечённый, замешкался на полсекунды, пытаясь понять, шутка это или вызов. Этого мгновения хватило, чтобы волан стремительно пролетел мимо него и упал метрах в трёх за спиной.

Он развернулся, чтобы поднять его, и в этот момент увидел, как группа людей, в том числе Цай Ханьчжан и тот самый незнакомец, направляется прямо к ним. Не зная, заметили ли его, он быстро подобрал волан и вернулся к игре, стараясь выглядеть спокойно.

Но сосредоточиться уже не получалось. Он пропускал удар за ударом, каждый раз чувствуя, как раздражение накапливается внутри. Когда волан в очередной раз просвистел мимо, он обернулся и увидел, что эта группа уже стоит рядом.

А когда в поле зрения появилось лицо Хуан Фэна, Ю Жань почувствовал, как сердце сжалось.

Всё, что он испытывал последние полчаса — странное предчувствие, тревога, ощущение, что за ним наблюдаю, наконец обрело форму.

— Что случилось? — спросил он, стараясь говорить ровно, без тени страха.

— Да ладно, не нервничай, Ю Жань, — Хуан Фэн шагнул вперёд и положил руку ему на плечо, будто старый приятель, с которым надо просто поговорить по душам. — Мы сегодня не за тем пришли, чтобы тебя трогать. Просто пойдём с нами. Есть о чём побазарить.

Говоря это, он не просто держал его за плечо, пальцы впивались в мышцы, сжимая их с нарочитой болью, будто напоминая: ты не свободен.

Ю Жань не поморщился. Он не хотел показывать слабость. Не хотел, чтобы Чжоу Вэйси начал волноваться.

Поэтому он просто повернулся, едва заметно подмигнул другу, как будто всё в порядке, потом поднял свой портфель с земли и последовал за ними, сохраняя внешнее спокойствие.

Он ожидал, что его выведут за территорию школы, но вместо этого его завели в заброшенную кладовку для спортивного инвентаря — тёмное, затхлое помещение, где пахло сыростью, плесенью и старыми сетками. Окна были заколочены, вентиляции не было, и воздух стоял тяжёлый, как после дождя в подвале.

Ясно.

Они хотели устроить разборку в месте, где никто не услышит. Где не будет свидетелей. Где можно будет «обсудить» всё, что угодно.

Ю Жань не удивился, не испугался. Он был скорее... озадачен самой природой данной ситуации.

Ещё с тех пор, как он учился в средней школе №44, где собирались самые проблемные

подростки города, он никак не мог понять логику школьного буллинга среди парней. Там всё было просто: любая мелочь, взгляд, случайное столкновение, чужая шутка могла стать поводом для вражды. Люди делились на «своих» и «чужих» за секунды, а слова вроде «извини» или «давай забудем» просто не существовали в их лексиконе. Люди вроде Хуан Фэна с детства впитывали самое худшее из взрослого мира — цинизм, жестокость, убежденность, что сила решает всё. Они не умели прощать. Не умели договариваться. Чем сильнее был человек, тем меньше он был способен к компромиссу.

И именно поэтому Ю Жань знал, что разговора не будет.

Будет только одно.

Раньше, в те времена, когда Ю Жань учился в школе №44, где каждый день был испытанием на прочность, существовали парни, которым его просто невозможно было простить — не за что-то конкретное, а за сам способ существования: он никогда не подчинялся приказам, отказывался сливаться с толпой, не умел отступать и уж тем более не признавал поражения, даже когда его прижимали к стене, били, оскорбляли, он продолжал смотреть в глаза, держал спину прямо и сохранял в себе какую-то странную, почти животную энергию, которая раздражала других сильнее, чем любая дерзость, ведь он не ломался, а люди, которые не ломаются, пугают тех, кто давно сломался сам, и именно это упрямство, эта невозмутимость перед лицом давления вызывала ненависть, потому что она будто бы бросала вызов всей их иерархии, всему тому, что они считали силой.

Но теперь всё изменилось: Ю Жань поступил в нормальную старшую школу «Чэнцзюнь», где большинство ребят были спокойными, доброжелательными, конфликты решались словами, а не кулаками, и такие, как Хуан Фэн, стали редкостью — исключением, которое только подчёркивало общее правило, и он уже начал верить, что прошлое осталось позади, что можно просто жить, рисовать, болтать с Чу Мянem, есть булочки с тыквой по утрам и не оглядываться через плечо, будто за каждым углом притаился кто-то с плохими намерениями. Однако сейчас, стоя в этой затхлой кладовке для спортивного инвентаря, где воздух был густым от запаха плесени и старых матов, он понял, что прошлое умеет выбираться из щелей, как сквозняк, который никто не заметил, пока дверь не хлопнула.

— Один на один? Или все сразу? — спросил он, медленно опуская свой портфель на пол, будто кладя оружие перед боем, хотя на самом деле это был жест скорее усталости, чем капитуляции, попытка показать, что он здесь, что он не уйдёт, но и не будет прятаться.

— Я же сказал, — ответил Цай Ханьчжан, садясь на потрёпанный гимнастический мат и равнодушно вытаскивая из портфеля Ю Жаня тетради, чтобы начать листать их, будто ему было скучно и нужно было чем-то занять руки, — мы сегодня тебя трогать не будем, просто позвони Чу Мянem, скажи, чтобы пришёл сюда, а потом будешь свободен, можешь идти куда хочешь.

Сердце Ю Жаня резко сжалось от внезапного, холодного предчувствия, такого сильного, что на мгновение перехватило дыхание, и он почувствовал, как внутри всё напрягается, будто перед ударом. — Откуда ты вообще знаешь его имя? — спросил он, стараясь говорить ровно, хотя

голос чуть дрогнул.

Цай Ханьчжан усмехнулся, поднял руку, откинул волосы со лба и показал белую, чуть желтоватую по краям повязку на виске, будто заживающая рана, которую он демонстрировал с гордостью побитого. — Этот ублюдок чуть не устроил мне сотрясение, — произнёс он медленно, с нажимом, будто каждое слово было частью обвинительной речи, — и то, что я до сих пор не потребовал компенсацию, уже чудо, теперь хочу глаз за глаз, разве это слишком много?

Ю Жань нахмурился, чувствуя, как в голове начинает шуметь от абсурдности происходящего. — Да брось ты эти сказки! — резко сказал он. — Я с ним каждый день, и ничего такого не было! Ни о каком ударе головой, ни о чём подобном. Если бы он кого-то бил, я бы точно знал!

— Во время военной подготовки, — процедил Цай Ханьчжан, опуская руку и сверля его взглядом, в котором читалась смесь злобы и удовольствия от того, что он держит козырь, — не веришь? Спроси у Цуй Хэ. Она всё видела, стояла рядом.

Ю Жань замер. Он не знал, что и думать.

И всё же одно он знал точно: никогда он не станет звать Чу Мянью сюда. Не важно, насколько эти двое считают себя сильными, насколько уверены в своей правоте, он не подставит его.

Пока он размышлял, портфель уже оказался у Хуан Фэна. Тот хладнокровно перевернул его вверх дном — тетради, ручки, карандаши, ластик в форме ананаса, даже фотография Фионы, случайно выпавшая из блокнота с грохотом вывалилась на пол. Затем он пнул содержимое ногой, раскидав вещи ещё дальше, будто демонстрируя: «Ты — ничто. Это — твоя жизнь. Мы можем её разнести».

— Ещё рисуешь, Ю Жань? — Хуан Фэн нагнулся, поднял из кучи эскизный блокнот, открыл его, пробежал глазами по страницам, где чередовались зарисовки с набросками людей, пейзажей и странных комиксов, в которых, возможно, отражалась его внутренняя вселенная. — Помню, раньше ты этим буквально жил. Каждый день эти штрихи, зарисовки, наброски... Неплохо, кстати. Даже много чего сделал, — добавил он с насмешливым уважением, будто пытался одновременно унижать и признавать.

Ю Жань молчал.

Он не пытался забрать блокнот. Не просил. Только следил за каждым движением руки Хуан Фэна, как будто тот держал не бумагу, а что-то живое, что может умереть в любой момент, и если страницы загорятся, то вместе с ними сгорит и часть его самого.

— Позвони этому... как его... Чу Мянью, — Хуан Фэн помахал блокнотом перед лицом Ю Жаня, будто приманкой, — не переживай, наш брат Цай просто хочет вернуть полученный удар. В конце концов, он потерял лицо перед девчонкой. Человек такую обиду просто так не простит, верно? А тебе мы обещаем бить будем не сильно...

— Если хотите кому-то отомстить, — перебил Ю Жань, голос его был ровным, почти безэмоциональным, но в глубине затаилась сталь, — то можешь бить меня. Я здесь. Я не уйду. Но Чу Мян вы не тронете.

Хуан Фэн издал протяжное:— Оооо... Вы, оказывается, такие близкие...

Он усмехнулся, покачал головой, будто сожалея, что не может оценить эту преданность по достоинству.— Но сегодня мы ищем не тебя. Так что замена не прокатит.

Ю Жань сжал кулаки внутри карманов.

Он смотрел на их самоуверенные лица, на насмешливые улыбки и чувствовал, как внутри всё напрягается, как будто готовится к прыжку, но он не двинется. Он не даст им повода, не позволит использовать его гнев против себя.

— Не трати время, — Хуан Фэн достал из кармана зажигалку, щёлкнул колесиком — язычок пламени вспыхнул в полумраке, отразившись в глазах Ю Жаня, как маленький ад. — Держи блокнот вот так... — он поднёс огонь к краю страницы, где была нарисована фигура человека с кошачьими ушами и надписью: «Мизэмэ знает, что ты боишься». — Хочешь, чтобы он остался целым? Тогда будь хорошим мальчиком. Звони.

В этот момент Ю Жань почувствовал, как что-то внутри него ломается.

Этот блокнот был не просто бумагой. Это годы. Это попытки стать кем-то. Это строки, в которых он пытался понять, кто он такой.

Его лицо застыло.

Тем временем, за стенами кладовки, школьный двор сиял под яркими фонарями. Была середина внеурочного занятия, и где-то вдалеке слышался смех, топот ног, звук мяча.

Чу Мян тем временем проспал первые десять минут клубного часа. Уроки вымотали, и он решил вздремнуть в классе. Проснувшись, он почувствовал лёгкость, почти приятную пустоту в голове, и вместо того, чтобы идти на крышу подышать воздухом, достал блокнот Ю Жаня, который тот оставил у него вчера, и продолжил выделять маркером ключевые темы, чтобы тот хотя бы что-то запомнил к экзамену.

Страницы были исписаны кое-как — половинчатые предложения, недописанные формулы, рисунки в уголках. Чу Мян аккуратно загибал углы там, где нужно было дописать, и в тишине пустого класса было слышно только поскрипывание ручки по бумаге.

Он поднял глаза на пустое место за партой напротив, где обычно сидел Ю Жань, и задумался, почему тот до сих пор не принёс скетчбук, ведь обещал же вчера вечером, что обязательно возьмёт с собой, и если бы не знал, что Ю Жань иногда забывает даже, где оставил телефон, мог бы подумать, что тот специально избегает.

В этот момент в коридоре послышались торопливые шаги.

Кто-то бежал, и вдруг резко остановившись у двери, запыхавшийся, с растрёпанными волосами Чжоу Вэйси влетел в класс.

— Ты здесь, — выдохнул он, увидев Чу Мяня.

Без лишних слов он метнулся к своей парте, вытащил телефон из книжной полки, быстро набрал номер классного руководителя и начал говорить, голос дрожал, слова путались, но суть была ясна: Ю Жаня забрали какие-то парни, он ушёл с ними после бадминтона, и теперь его нигде нет.

Чу Мянью сначала не обратил внимания на его слова, и спокойно продолжал писать. Но стоило ему услышать имя...

— ...Ю Жань... ушёл с какими-то парнями... не знаю, куда...

Чу Мянью поднял голову.

Чжоу Вэйси положил трубку, обернулся и замер, потому что Чу Мянью уже стоял.

— Где Ю Жань? — спросил он, голос был тихим, но в нём уже не было места вопросу, только уверенность, что ответ нужен немедленно.

— Я не знаю, — Чжоу Вэйси покачал головой. — Я сразу побежал сюда, как только заметил, что его нет.

Чу Мянью не стал задавать больше вопросов.

Он быстро, но без паники вышел из класса, с хладнокровием человека, который знает, что каждая секунда важна, и не собирается терять ни одной. Он знал школу. Знал, где камеры не снимают. Знал, какие двери старые, какие коридоры используются редко.

Он обошёл спортзал, библиотеку, мастерские — ничего.

Оставалась только одна дверь в старом крыле, где хранили сломанный инвентарь. Обычно она

была заперта.

Сейчас у неё топтались двое парней, которые явно не были учениками их школы.

Чу Мянью подошёл. Даже не посмотрев на них, он толкнул дверь.

В лицо ударила волна затхлого, сырого воздуха.

Звук открывающейся двери, разорвал повисшую тишину. Люди в комнате обернули на вошедшего, их глаза встретились, и в это секунду они осознали, что игры закончились.

Увидев, что Ю Жань стоит перед ним целым и невредимым, Чу Мянью на мгновение почувствовал облегчение, такое сильное, что оно почти физически пронзило грудь, будто после долгого задержания дыхания он наконец смог вдохнуть. Но это чувство длилось недолго, потому что реальность вокруг них была всё ещё напряжена, как тетива перед выстрелом, а глаза Ю Жана, встретившись с его взглядом, сразу же наполнились тревогой, и он шёпотом, едва слышно, прошептал: «Быстро уходи отсюда», словно пытался спрятать его за своей спиной даже сейчас, когда сам был прижат к стене.

Чу Мянью не ожидал такого. Он не знал, что Ю Жань окажется в такой ситуации, и тем более не мог представить, что тот будет просить ЕГО уйти, но он просто стоял в дверном проёме, не двигаясь, оглядывая помещение, как будто запоминал каждую деталь: разбросанные вещи, огонь в руке Хуан Фэна, блокнот, который тот держал, как заложника, и лица парней, которые смотрели на него с изумлением, будто не верили, что кто-то действительно осмелится прийти сюда сам.

Цай Ханьчжан и Хуан Фэн были ошеломлены даже больше, чем сам Ю Жань. Они только собирались заставить его позвонить Чу Мянью, чтобы заманить его сюда, а теперь этот самый человек просто вошёл сам, без приглашения, без страха, с таким спокойствием, будто пришёл на обычную встречу. Цай Ханьчжан, не скрывая удивления, бросил Ю Жаню:— Блядь, ты что, телепатией вызвал? Как он вообще здесь оказался?

Чу Мянью медленно перевёл взгляд на Цай Ханьчжуна. Его голос был лишён интонаций, холодный, как металл:— У вас есть ко мне вопрос, старшекурсник?

Цай Ханьчжан лишь хмыкнул, сделал короткий жест рукой, и тут же несколько парней, стоявших рядом с Ю Жанем, резко схватили его за руки и плечи, прижав к полке с инвентарём, будто опасались, что он попытается вмешаться.

— Ты тогда начал конфликт, — сказал Цай Ханьчжан, указывая на свою повязку, — чуть не устроил мне сотрясение. Если сейчас просто признаешь, что был не прав, мы забудем об этом. Забудем всё.

Чу Мянью бросил ледяной взгляд на группу, державшую Ю Жаня, и спокойно произнёс:— Я не думаю, что это имеет какое-либо отношение к Ю Жаню.

Он ещё не договорил, как Ю Жань рванулся вперёд, готовый выкрикнуть что-то яростное, но тут же чья-то рука зажала ему рот, и его оттолкнули обратно, прижав к стене так, что дыхание перехватило от боли.

В этот момент Хуан Фэн, всё ещё игравший со своей зажигалкой, резко оторвал страницу из скетчбука, и поднёс её к пламени. Бумага вспыхнула, и через секунду превратилась в серые хлопья пепла, медленно опускавшиеся на пол.

Чу Мянью сначала не заметил этого, но, почувствовав запах горячей бумаги, резко обернулся и увидел, что всё, что валяется на полу — тетради, карандаши, ластик, фотографии, принадлежит Ю Жаню, а в руках у Хуан Фэна всё ещё зажат его самый ценный блокнот, тот самый, в котором он записывал свои мечты, зарисовки, идеи, которые, может быть, однажды станут настоящими картинами.

И вот теперь он понял, что Ю Жань действительно принёс его сегодня. Просто сам Чу Мянью не успел даже взглянуть.

Сердце сжалось.

— Не трогайте его вещи, — вырвалось у него, прежде чем он успел себя остановить, голос дрогнул, хотя он и пытался сохранять контроль.

Хуан Фэн приподнял бровь, потом голову, и, наконец, поднял блокнот повыше, как будто демонстрируя:— Это?

Чу Мянью смотрел на него, и внутри у него всё кипело. Он знал, что этот блокнот — не просто бумага. Это часть Ю Жаня. Это обещание, которое они дали друг другу: «Мы добьёмся своего. Вместе».

Грудь стало тяжело. Гнев поднимался, как волна, но он сдерживал его, вжимал внутрь, не позволяя вырваться наружу.

— Не трогайте его, — повторил он, уже глухо, будто из глубины колодца.

— Ладно, — протянул Хуан Фэн, щёлкая зажигалкой, — если будешь вести себя прилично, позволишь нашему брату Цай снять напряжение, то я не сожгу остальное. — Он перевёл взгляд на Ю Жаня, прижатого к стене, и добавил: — А ты, Ю Жань, просто смотри внимательно.

Чу Мянью стоял неподвижно не проронив ни слова.

Цай Ханьчжан воспринял это как согласие. Усмехнувшись, он потёр запястье, встал и медленно двинулся к Чу Мяню, как хищник, уверенный в своей силе.

Ю Жань, прижатый к полке, извивался, пытался вырваться, но его держали крепко. В голове уже не было места для мыслей — только одно: «Не дать им дотронуться до Чу Мяня». Каждое движение, каждый шаг Цай Ханьчжуна к нему вызывал в теле судорогу ярости, и когда он увидел, как тот замахивается, направляя удар прямо в лицо Чу Мяня, глаза его распахнулись от ужаса.

Глухой удар — бум — разнёсся по комнате, и на мгновение все замерли, будто время остановилось.

Цай Ханьчжан инстинктивно открыл рот, чтобы вдохнуть, но вместо воздуха в нос хлынула острая и всепоглощающая боль. Перед глазами всё поплыло, во рту появился металлический вкус крови, и он почувствовал, как тёплая струйка начинает стекать по верхней губе, капая на пол одна за другой.

А потом он увидел — нет, почувствовал, как Чу Мянью, не теряя ни секунды, резко ударил его по колену, заставив опуститься на одно колено, будто на поклон.

— Да ты совсем охренел! — заорал Хуан Фэн, вскакивая, но в ярости забыл о блокноте, и тот выпал из его руки, упав на грязный пол.

Чу Мянью не ответил. Не стал объяснять. Он просто действовал.

Хуан Фэн бросился на него первым, нанеся удар в живот, но Чу Мянью принял его, не сдвинувшись с места, сжал зубы, перетерпел боль и одним точным движением выбросил локоть вверх, точно в район гортани, под кадыком. Хуан Фэн закашлялся, согнулся, глаза его наполнились слезами, дыхание превратилось в хрипы.

Чу Мянью не давал себе передышки. Он задержал дыхание, чтобы не вдыхать затхлый, заражённый воздух этой кладовки, где каждый вдох мог стать началом болезни. Шагнул вперёд, схватил Хуан Фэна за ворот, используя его собственный импульс, заставил отступить на несколько шагов, а затем резко ударил ногой по тазобедренному суставу, нарушая равновесие.

Парень упал.

Чу Мянью не дал ему подняться.

Он прижал его голову к полу, одной рукой сдавливая шею, и, глядя прямо в глаза, медленно, с такой низкой интонацией, что голос стал почти хриплым, сказал:— Не трогайте вещи Ю Жаня. И не угрожайте мне.

Это были не просто слова. Это был приговор.

Его голос был настолько тихим, что казался неестественным, и Ю Жань, стоявший в углу, едва узнал в нём своего приятеля, будто бы Чу Мянью стал кем-то другим, кем-то, кто умеет быть абсолютно хладнокровным, когда мир вокруг превращается в хаос.

Те, кто держал Ю Жаня, сами того не осознавая, ослабили хватку. Некоторые даже отступили, потому что не могли поверить: два парня, считавших себя сильными, оказались повержены одним, казавшимся таким мягким и тихим мальчиком, и сделано это было не с криками, не с бешенством, а с ледяной точностью, как будто каждый удар был продуман заранее.

Чу Мянью поднялся, аккуратно поправил форму, подошёл к разбросанным вещам, быстро собрал их и положил в портфель Ю Жаня, стараясь ничего не потерять, даже маленькую записку с надписью «Покажу МяуМяу завтра», которую он бережно сложил и положил внутрь тетради.

Затем он подошёл к Ю Жаню. Они стояли друг напротив друга. Никто не говорил, но в этом молчании было больше, чем в тысячах слов.

На улице стояла крошечная тьма, школьный двор давно опустел. Ученики один за другим разошлись по домам, и теперь здесь не было ни смеха, ни шагов, ни шороха страниц в библиотеке. Только свет из окон директорского корпуса резал темноту, как нож, привлекая внимание родителей, собравшихся в кабинете на срочное обсуждение инцидента. Даже сам директор, уже успевший уйти домой, был вынужден вернуться, чтобы лично разобраться в том, что произошло между учениками.

Чу Хэн нашла племянника сидящим на лестничной площадке, чуть в стороне от шума и суеты, рядом с Ю Жанем, который молча листал свой скетчбук. Она подошла быстро, с тревогой в глазах, положила руку на плечо Чу Мянью и начала осматривать его лицо, шею, руки, словно искала следы побоев.

— МяуМяу, ты в порядке? Где-нибудь болит? Покажи мне, тебя кто-то ударил?

— Всё нормально, — ответил он спокойно, даже слишком спокойно, будто только что не разбирался с двумя старшеклассниками в полузаброшенной кладовке.

— А где директор? — Чу Хэн прижала ладонь ко лбу, как будто пыталась остановить нахлынувшую головную боль. — Ты действительно ударил того парня? Его повезли в больницу? Он в сознании?

— Да, повезли, — кивнул Чу Мянью. — С ним всё будет в порядке... Не переживай.

Чу Хэн даже не успела перевести дыхание, как сразу направилась к кабинету, решив, что разговор с администрацией нельзя откладывать ни на минуту.

Оставшись вдвоём, Чу Мянью и Ю Жанью снова опустили взгляды на блокнот, будто возвращаясь в свой собственный мир, где нет давления, угроз и взрослых, которые всё равно ничего не поймут.

Чу Мянью провёл рукой по толстому корешку скетчбука. В нем было около двухсот страниц, плотно исписанных, испачканных краской, карандашом, иногда даже кофейным пятном, как будто каждая страничка хранила кусочек жизни. Здесь были зарисовки аниме-персонажей, пейзажи, случайные лица одноклассников, целые комиксы с абсурдными диалогами, но при этом ни одна работа не была брошена, все линии доведены до конца, цвета распределены равномерно, композиции продуманы. Даже если техника ещё была не идеальна, чувствовалось, что автор выкладывался по полной.

На последней странице, была изображена школа под ясным небом, залитая светом. Белые облака, густая зелень деревьев, дорожки, усыпанные листьями, и солнце, мягко играющее на стенах здания. Картина была насыщенной, но не кричащей, спокойной, как воспоминание о чём-то, чего никогда не было, но так хотелось бы иметь.

— Это твоя школа в средних классах? — спросил Чу Мянью, указывая на здание.

— Ну, само здание - да, — ответил Ю Жанью, — а вот всё остальное - нет. У нас там не было таких деревьев, стены были в граффити, половина окон - разбита, а небо всегда казалось серым.

— Серое небо вряд ли связано с твоей школой, — заметил Чу Мянью. — Разве она была проклята?

Ю Жанью мгновенно выпрямился, глаза его расширились, как будто его осенило. — Стой... а ведь правда! Когда я вспоминаю ту школу, в голове только дождь, тучи, сумерки... Это странно, правда?

Он замолчал, опустил плечи и долго смотрел на своё нарисованное солнце, на этот невозможный свет. — Я просто... хочу, чтобы школа была такой, — сказал он тихо. — Без экзаменов. Без домашки. Чтобы каждый день можно было ходить смеясь, без страха, что тебя ударят или унижают. Чтобы можно было просто быть собой.

Чу Мянью посмотрел на него. — А сейчас у тебя есть и экзамены, и домашние задания. Значит, ты несчастлив каждый день?

— Нет, — Ю Жанью улыбнулся искренне, почти по-детски. — Я счастлив. Потому что могу общаться с друзьями. Потому что каждое утро иду в столовую и вижу вас всех. Даже если не сделал уроки ... мне всё равно хорошо, когда вижу знакомые лица.

Чу Мянью продолжил листать.

И тогда он увидел пустоту.

Страница была вырвана. Остались только рваные края, как следы когтей.

— Что было на этой странице? Помнишь? — спросил он.

— Хм... — Ю Жань пожал плечами, будто это было неважно. — Не помню. Да и вообще, я же рисовал всё как придётся. Одна страница - не беда.

Но Чу Мянью чувствовал иначе.

С каждой секундой внутри нарастало чувство вины, как пузырь, который вот-вот лопнет. Если бы он настоял утром, если бы сказал: «Принеси блокнот, я помогу», если бы забрал его раньше... тогда эта страница не сгорела бы в руках Хуан Фэна, не превратилась бы в пепел, не была бы растоптана под чужими ботинками.

Гнев, который он так долго сдерживал, наконец обрёл форму.

Он медленно опустил голову, пальцы разжались, и он, не сдержавшись, опустился плечом на Ю Жаня, будто ему больше не хватало сил держать себя в вертикальном положении.

Ю Жань сразу обнял его, прижал к себе.

— Эй, что случилось? Ты в порядке?

— Ничего особенного, — выдохнул Чу Мянью, закрыв глаза. — Просто... приступ. Устал немного.

Ю Жань почувствовал, как растрёпаны его волосы, и аккуратно, будто боясь сломать, провёл ладонью по голове, поправляя чёлку.

— А тётя будет ругаться, когда ты придёшь домой?

— Нет, — ответил Чу Мянью, голос его стал мягче, почти шёпотом, потому что губы оказались совсем близко к уху Ю Жаня. — Она всегда была добра ко мне. И, кстати, ей тоже важно искусство. Если бы она узнала, что кто-то просто так порвал твою работу... она бы меня не отругала. Она бы сказала, что я ударил слишком мягко.

Ю Жань кивнул, задумался, потом спросил:

— А она любит животных?

— Ну... мои змеи должны держаться от неё минимум в двадцати метрах, — признался Чу Мянью.

— И, кажется, вообще боится всех живых существ... кошек, собак, даже хомяков.

— Странно, — нахмурился Ю Жань. — А почему тогда она всё время говорит тебе «МяуМяу», как будто зовёт котенка?

Чу Мянью замер.

Щёки вспыхнули.

Кровь прилила к лицу так быстро, что он почувствовал жар.

Он забыл.

Забыл, что его детское прозвище, которое тётя придумала, когда он в три года мяукал вместо слова «молоко», теперь знает и Ю Жань.

Чтобы скрыть смущение, он торопливо выпалил:— Она... просто любит вести себя молодо. Вот и всё.

Ю Жань улыбнувшись посмотрел на него, но ничего не сказал.

А Чу Мянью понял: он знает.

И в этот момент, в тишине лестничного пролёта, под тусклым светом старого фонаря, он впервые за долгое время почувствовал, что может позволить себе просто быть.

Даже если его зовут МяуМяу.

<http://bllate.org/book/15486/1373229>